

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ: ОСНОВАНИЯ И АЛЬТЕРНАТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

В.И. МИХАЙЛЕНКО

ПОТЕНЦИАЛ И ПРЕДЕЛЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СОЮЗНИКОВ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Историческая правда» – понятие субъективное и весьма условное. Даже с дистанции шести десятилетий исторические события видятся и интерпретируются по-разному, в зависимости от методологических, идеологических и политических взглядов тех, кто к ним прикасается. Еще сложнее установить «историческую правду» в тех случаях, когда действующий политический режим формирует социальный заказ на интерпретацию исторических событий по принципу «история – это политика, обращенная в прошлое». Исходя из вышесказанного, автор не претендует на объективную оценку истоков европейской политики СССР после окончания Второй мировой войны.

В настоящее время предпринимаются попытки, опираясь на современный уровень знаний об этом периоде, понять истоки холодной войны, проследить особенности формирования послевоенной советской внешнеполитической стратегии в Европе, прежде всего, соотношение в ней между идеологическим фундаментализмом и *realpolitik*, попытаться обсудить возможные альтернативы советского внешнеполитического курса.

В методологическом плане автор не является сторонником телеологического представления о движении истории или о железной поступи исторических законов. Он допускает использование сослагательного приема как при обсуждении исторических процессов, так и возможность экстраполирования опыта советской политики периода холодной войны применительно к современным международным процессам. В конечном итоге, автор исходит из того, что стиль мышления тех, кто делает внешнюю политику, не обязательно является адекватным вызовам времени.

В широком смысле холодная война началась в 1917 г., когда к власти в России пришли большевики с амбициозными планами осуществления мировой революции. Советская Россия бросила вызов мировому сообществу, и он был принят. Даже если всерьез принять освободительную миссию труда против капитала, реализация этой великой идеи шла вразрез с другими общественными проектами – социал-демократическими, либерально-демократическими, национал-социалистическими, фашистскими.

Можно допустить, что в сталинской внешней политике одновременно уживались идеи Коммунистического Интернационала и Российской империи. Но обе они имели весьма опосредованное значение для достижения национальных интересов России. Более того, обе идеи, как имперские по своей институциональной сущности, тормозили превращение России в национальное государство с собственно-национальными интересами. Таким образом, изначально советская внешняя политика основывалась на имперском фундаменте. Естественные ресурсы России, людские и природные, приносились в жертву мессианской идее мировой революции и строительства транснациональной «советской империи».

Сравнительное исследование послевоенных стратегических планов главных акторов международных отношений США и СССР и особенно механизмы их реализации позволяют предположить, что обе стороны в достижении мировой гегемонии стремились использовать свои преимущества. США, выражаясь современным языком, делали ставку

на «инструменты глобализации» через экономические, финансовые, монетаристские, торговые, информационные, военно-политические и иные международные институты.

СССР выстраивал свои долговременные планы, исходя из геополитической традиции контроля над территориями. Специфика советского проекта «жизненного пространства» требовала установления на подконтрольной территории однотипных социально-политических режимов и автаркических экономических моделей. В итоге возникла мало эффективная, не имевшая долговременной перспективы, затратная (мировая социалистическая) система.

Исследователь Наталья Коровицына считает, что СССР предложил странам Восточной Европы «путь ускоренного превращения преимущественно аграрного, сельского общества в индустриальное, городское и высокообразованное при сохранении многих основополагающих структур традиционалистского уклада жизни, соответствующих ему ценностных ориентаций»¹. Вполне очевидно, что не все страны Восточной Европы находились в доиндустриальной фазе развития. Условно эти утверждения можно отнести к Албании, Румынии, Болгарии, отчасти к странам Балтии, но они имеют весьма отдаленное отношение к Восточной Германии, Чехословакии, Венгрии, Югославии, Польше.

По марксистским канонам страны советского лагеря успешно развивали индустрию группы «А» и «Б». Но странным образом, не знавшие советских планов страны западного блока, а некоторые из них стартовали с худших позиций, больше преуспели в индустриальной трансформации, чем страны советского блока.

Не вдаваясь в детали американской модели управления своими зонами оккупации, следует признать ее результаты более удачными и эффективными. Образно выражаясь, американское руководство с первых дней оккупации давало понять, что оно предлагает «удочку», а не «рыбу», их контроль за социально-политическими процессами ограничивается исключением правых или левых крайностей. Как пишет итальянский историк Паола Брунду Олла, отнюдь не проамериканская европейская идея стала обретать институциональные контуры в первые послевоенные годы².

И, напротив, тотальное огосударствление, подавление общественных и индивидуальных свобод, частной инициативы и ответственности, свободной конкуренции социальных, политических и экономических проектов обеспечили кратковременное преимущество советскому проекту, но привели к вполне предсказуемому стратегическому краху. Общества Восточной Европы стали заложниками противоестественных их традициям и практике социально-экономических и политических экспериментов.

Ответ на вопрос об ответственных за развязывание холодной войны, по большому счету, лишен всякого смысла и погребен под завалами холодной войны взаимных упреков, недоверия, опрометчивых действий. Как нам представляется, основным итогом историографических дискуссий 90-х гг. стала нейтрализация крайних оценок, прежде всего, в российской и американской литературе, возлагающих ответственность за развязывание холодной войны на одну из сторон. Более существенными являются ответы на другие вопросы, к примеру, была ли альтернатива холодной войне и насколько эффективной оказалась сталинская модель национальной безопасности в Европе?

Оба полюса проводили политику «взаимного сдерживания», сохранения статус-кво в согласованных зонах влияния и внимательно отслеживали намерения

¹ Коровицына Н. В. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003. С. 6

² См. статью П. Брунду Олла «Итальянский транзит: к происхождению внешней политики после второй мировой войны» в данном выпуске «Уральского вестника международных исследований», с.

соперника в нестабильных районах, на периферии противостояния. Если говорить о динамике расширения своих зон влияния, то она исходила, в большей мере, со стороны коммунистического блока. Самые острые конфликты второй половины 50-х гг., ставившие мир на грань прямого военного столкновения соперников, были связаны с несдержанностью «красного полюса» – корейская война, берлинские кризисы, кубинский кризис, вьетнамская война, афганский кризис.

Совпадала ли коммунистическая экспансия с российскими национальными интересами? Беру на себя смелость ответить, что не совпадала. Даже исходя из геополитической концепции, рассматривавшей угрозу с Запада первичной для России, в интересах последней было создание в Европе с севера на юг «пояса безопасности», основанного на принципах «финляндизации» или «австриизации». Собственно ялтинские соглашения, достигнутые на основе консенсуса великих держав, предусматривали такую схему безопасности для СССР. Как неоднократно подчеркивал президент Ф.Рузвельт в спорах с британским премьер-министром У.Черчиллем, Советский Союз, вынесший на себе наибольшее бремя войны, заслужил право на собственную безопасность. Вплоть до 1989 г., когда советский блок начал распадаться, не выдержав встречи с постиндустриальными вызовами, США и западные европейские государства признавали ялтинскую модель международной безопасности для СССР.

Сталин и его соратники стремились к большему, чем обеспечение международной безопасности страны, – к глобальному господству через создание «коммунистической империи». Как вспоминает ближайший сподвижник вождя В.М. Молотов Сталину мерещилась слава великих российских императоров. Однако, созданная им советская империя распалась еще при жизни его соратников, а конфронтационная модель обеспечения международной безопасности оказалась недостаточной для защиты международных интересов страны.

Имело ли российское общество иные возможности защиты национальных интересов и безопасности через международное сотрудничество и без конфронтации? Если исходить из объективных международных условий, созданных Ялтинско-Потсдамской системой, то можно ответить утвердительно. Даже в сценариях развития международной обстановки, представленных сталинскими единомышленниками, прогнозировалась достаточно длительная «мирная передышка». На что она была использована?

Некоторые российские авторы считают методологически неоправданным вывод о том, что главным содержанием первого послевоенного периода стало «восстановление и развитие народного хозяйства СССР в годы четвертой пятилетки». По их мнению, стабилизация политического режима и сверхмилитаризация стали основными тенденциями послевоенного периода.

Маловероятно, чтобы политический режим, рассматривающий собственный народ в качестве расходного строительного материала, предпочел интересы общества амбициозным проектам глобального превосходства. Специфика сталинского режима в безграничной концентрации личной власти была такова, что до сих пор неясно и, видимо, не узнаем никогда о механизме принятия внешнеполитических решений.

Политическая практика подсказывает возможные способы защиты общественных интересов против произвола правящих элит – это надежный общественный контроль, свободная конкуренция и сопоставление политических идей и сил, демократическая смена властных элит.

Середина 1947 – начало 1948 гг. стали невозвратной точкой отсчета исторического времени, когда для СССР перестала существовать даже теоретическая воз-

возможность строительства системы собственной безопасности, основанной на сотрудничестве между странами, совместно преодолевшими германский блок.

Линия на военно-политическую конфронтацию внутри бока победителей стала отчетливо проявляться в 1947 г. и это сразу же отразилось на усилении нажима советского руководства в пользу ускорения социалистических преобразований в Восточной Европе. Решающим признаком этого поворота можно считать создание Коминформа в сентябре 1947 г. В течение 1947 г. были вскрыты так называемые «заговоры» в руководстве стран Восточной Европы, за которыми последовала большевизация политических режимов в этих странах. Советско-югославский конфликт стал прямым результатом смены стратегического курса советского руководства и нанесения удара по сторонникам «национального пути к социализму».

В так называемые «свинцовые годы» был сделан важный шаг в строительстве «советской империи». С 1948 г. советское руководство устанавливает жесткий политический, идеологический, экономический и военный контроль над сателлитами в Восточной Европе. В жертву тотальному контролю над социалистическим лагерем были принесены советско-югославские отношения.

Здесь нельзя не согласиться с Дж. Робертсом в том, что реализация советского проекта зависела от восприятия Западом проектов Москвы. Как оказалось на деле, партнеры СССР по «Большому союзу» рассматривали московскую сферу влияния в Восточной Европе и проект народной демократии как угрозу, как проявление советского экспансионизма и коммунистической подрывной деятельности на европейском континенте. В результате Запад предпринял различные контрмеры, достигшие высшей точки в плане Маршалла и доктрине Трумэна в 1947 г. Эти действия в свою очередь рассматривались Советским Союзом как угроза его жизненной безопасности и политическим интересам и только способствовали тому, что СССР еще теснее зажал в тиски страны Восточной Европы и окончательно перешел к радикальной коммунистической стратегии в своей сфере влияния. Конечным результатом этих двух взаимно блокирующих представлений стал отказ от проекта народных демократий, начало «холодной войны» и полномасштабное распространение коммунизма на Восточную Европу.

В течение последующих 40 лет Восточная Европа рассматривалась Москвой как своего рода «геоидеологическое» пространство советской безопасности. Сфера влияния в Восточной Европе должна была быть гарантирована контролем коммунистической партии и идеологическим соответствием советской модели социализма. СССР не располагал могучими экономическими возможностями обеспечивать господство в своей сфере влияния. Совет Экономической Взаимопомощи опережал Европу по степени развитости интеграционных механизмов, но уступал по степени ее экономической эффективности. Поэтому упор делался на идеологические и военно-политические механизмы контроля над социалистическим лагерем. Эта модель стала заложницей идеологической и политической окостенелости советского руководства, которое оказалось не в состоянии предложить ей альтернативу до того, как эта модель рухнула в силу ее собственной несостоятельности.

Советскому режиму так и не удалось примирить между собой две разные составляющие его внешней политики – имперские интересы и интернационалистскую миссию. С одной стороны СССР продолжил, начатое Российской империей движение на Балканы и к черноморским проливам. В конце 1939 – начале 1941 г. была предпринята окончившаяся неудачей попытка возродить политику царской России конца XIX – начала XX в. Тогда советская дипломатия стремилась разграничить «сферы интересов» в Европе, до-

говорившись с Германией и Италией. Относительно балкано-черноморского региона предусматривалось предоставление гарантий безопасности Советскому Союзу со стороны проливов. Речь шла также о строительстве базы для сухопутных и военно-морских сил СССР в районе Босфора и Дарданелл на условиях долгосрочной аренды.

Как пишет Н.Д. Смирнова, после окончания второй мировой войны советская дипломатия стремилась расширить и улучшить свои стратегические позиции в Восточном Средиземноморье. Открылась реальная возможность создать по периметру границ от Балтики до Причерноморья систему равноправного стратегического партнерства, обеспечивающую суверенитет каждой страны при условии неучастия во враждебных блоках и предусматривающую разрешение возникающих проблем политическими средствами. Однако вместо этого началось строительство «социалистического лагеря», где диктат «старшего брата» свел к минимуму самостоятельность «младших». В каждой из стран насаждалась советская политико-экономическая модель общества, при которой игнорировались его исторические и национальные особенности.

Как уже отмечалось, Советская Россия бросила вызов капиталистическому миру, прежде всего, либерально-демократическим режимам, и возглавила антизападный поход. Слова советского руководителя Н.С. Хрущева «мы вас закопаем» на простом, обыденном уровне демонстрировали стратегические цели СССР. Мирные инициативы, в т.ч. провозглашенный XX съездом КПСС «курс на мирное сосуществование», всегда рассматривались советской партийной пропагандой как «передышка» перед «последним и решительным боем». Партийные пропагандисты разъясняли, что в иерархии внешнеполитических целей на первом месте находятся принципы защиты социалистического лагеря, за ними следует поддержка национально-освободительного движения и только третье место занимают принципы мирного сосуществования. Можно только удивляться тому, что взаимное неприятие не завершилось тотальным истреблением обеих сторон. В типичном учебнике по военной философии начала 70-х гг. утверждалось, что в случае обмена ядерными ударами между США и СССР победа окажется на стороне последнего, поскольку он имеет явное преимущество над соперниками в виде более прогрессивного общественного строя.

Переоценив свои силы и самоуверенно увлекшись реализацией идеологических проектов, СССР проиграл холодную войну, утратив тот фундамент международной безопасности, который был заложен совместно им, Великобританией и США в Ялтинско-Потсдамской системе.

Несмотря на то, что современная Россия является международно-правовой преемницей СССР во многих международных институтах, она получила уникальную возможность строить свою международную безопасность на прагматичных принципах сотрудничества, а не конфронтации. Тем не менее, пятнадцатилетний опыт строительства новой внешней политики не располагает к оптимизму.

Во-первых, Российская Федерация явно проигрывает своим ближайшим институциональным предшественникам. Можно критиковать советскую внешнюю политику за чрезмерную идеологизацию, принесение национальных интересов в жертву интернационалистским мессианским целям. Однако на международной арене советская внешняя политика обладала притягательной силой, имела стратегическую инициативу в течение длительного времени и, самое главное, была предсказуемой.

Пришедшая ей на смену философия «нового мышления» отличалась безусловной целостностью и подвергалась незаслуженной критике, на наш взгляд, теми, кто пул философскую основу и внешнеполитическую программу (доктрину). В какой-то мере она перекликалась с идеями мирового порядка американского президента Дж. Карте-

ра, который смог модернизировать американскую внешнеполитическую доктрину и сделать ее привлекательной для США и достаточной широкой мировой общественности.

Благодаря демократической трансформации России удалось занять достойное и благоприятное место внутри глобальной системы американских партнерств и сохранить привилегированные позиции в международных организациях. Союз с Западом позволил России положительно влиять на решение международных вопросов в ближнем и дальнем зарубежье, которые без него ей было бы крайне трудно или даже невозможно. Об ограниченных возможностях или полной неэффективности иных, силовых или демаршевых, приемах российской дипломатии свидетельствуют многие примеры, но наиболее ярким из них является знаменитая «петля Примакова» над Атлантикой в период югославского кризиса.

Действительно, Россию, как и многие другие страны, включая европейские, не устраивает гипертрофированная роль США в процессах принятия ключевых международных решений, из-за которой девальвируются мнения других государств, недоучитываются их интересы и потребности. Но для решения этой и иных проблем существуют неконфронтационные ресурсы, в том числе за счет кооперации с другими странами, для демократизации международного порядка и повышения роли России в его формировании и регулировании.

Для того чтобы выработать адекватное внешнеполитическое сопровождение стратегии национального возрождения, политическому классу необходимо избавиться от некоторых иллюзий, реалистически представлять себе положение страны в мире. Одна из главных внутренних проблем России с точки зрения отношений с внешним миром – незавершенность процесса осознания места страны в мире и неадекватность представлений об этом мире.

Прежде всего, мы проиграли внутри, не сумев выстроить стратегию экономического роста, политического и духовного возрождения. Не достигнуто понимание основной проблемы стратегического развития страны. Вместо того чтобы думать, как добиться экономического роста и невыпадения из мировой экономики, мы до сих пор спорим вокруг идеологии или теоретических моделей развития – либеральной или державной (этатистской). Вместо того чтобы осознать, что Россия стратегически выпадает из складывающейся в мире модели постиндустриального развития, обеспечивающей, как правило, ее участникам, даже второстепенным, рост благосостояния, мы дискутируем относительно «величия» и престижа страны. При этом страны, не применяющие к себе термин «великий», уверенно развиваются и давно обошли Россию (Германия, Япония, Италия, Канада, Южная Корея).

Чередой внешнеполитических неудач современной России была отчасти запрограммирована неточным пониманием внешнего мира, неадекватным определением приоритетов, переоценкой ресурсов. Весьма вероятно, что, борясь за удержание каких-то прошлых, часто эфемерных, позиций, Россия упускала имевшиеся возможности.

В любом случае российскому политическому классу, руководству страны нужно проанализировать уроки холодной войны и 90-х гг. XX века, чтобы понять свои собственные интересы во внешнем мире, выработать реалистическую и активную политику по приспособлению к миру будущего, чтобы не тратить бессмысленно политические и экономические ресурсы страны.